

DOI 10.31483/r-137746

Поздняков Александр Николаевич

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ВЫСШЕГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: ПРОТИВОБОРСТВО СТОРОННИКОВ И ПРОТИВНИКОВ

***Аннотация:** в работе на основе опубликованных в XIX – начале XX в. материалов анализируется процесс становления в России высшего женского образования, прослеживается неоднозначное отношение к нему в обществе, зачастую переходящее в открытое противостояние. Автором показывается успехи, являвшиеся результатом последовательной напряженной борьбы.*

***Ключевые слова:** женское высшее образование, женские популярные и научные курсы, отношение к преобразованиям.*

***Abstract:** the work, based on materials published in the 19th and early 20th centuries, analyzes the process of development of higher education for women in Russia, there is an ambiguous attitude towards him in society, often turning into open confrontation. The author shows the progress are shown that were the result of a consistent and intense struggle.*

***Keywords:** women's higher education, women's popular and scientific courses, attitude to transformations.*

Вторая половина XIX века – время широкого движения за успешное решение «женского вопроса», представлявшего собой комплекс проблем по правовому статусу женщин, их социальному положению в обществе и семье. Важнейшее место занимали вопросы женского образования. Особо сложным было положение дел в области высшего образования. Ситуация здесь характеризовалось жестким противостоянием.

История становления высшего женского образования в России является предметом, интересующим современных исследователей. Об этом, в частности, свидетельствуют статьи С.Н. Гришак [6], О.В. Чураковой [22], О.Г. Малышевой, Е.А. Безиной [11] и др.

Цель представленной работы в том, чтобы, изучив опубликованные в XIX – начале XX в. материалы, связанные с проблемой высшего женского образования, проанализировать процесс его становления в России, обозначить основные противоречия в позициях сторонников и противников движения, показать результативность осуществлявшейся деятельности.

К середине XIX в. в России сформировалось широкое поле объективных предпосылок для формирования «женского вопроса», в том числе включавшего в себя и проблемы высшего образования. Александра Никитична Анненская, стоявшая у истоков практической деятельности по становлению высшего женского образования, называла в числе основных его предпосылок «великую реформу», главной составляющей которой являлась отмена крепостного права. Ее следствием стали коренные изменения всего строя жизни, подъем умственных и нравственных сил в различных слоях населения. «Женщины, – заявляла А.Н. Анненская, – естественно, не могли оставаться чуждыми общему умственному возбуждению. Идеи, волновавшие все общество, идеи о пагубном влиянии рабства... невольно заставляли женщину задуматься над собственным положением. Не была ли она тоже рабой?» [19, с. 1–2].

Все более настойчиво формировались и прочно утверждались идеи о невозможности изменения положения женщин, их общественного статуса без радикального повышения образовательного и культурного уровня. Многие десятилетия общество удовлетворялось женским образованием, ограничивавшимся «умением болтать по-французски и бренчать на фортепьянах». Однако время начало требовать от женщины большего. «Обществу понадобилась образованная, умственно-развитая женщина – и как жена, и как мать, и как член общества» [1, с. 3–4].

Важную роль начали играть открывавшиеся с конца 1850-х гг. всесословные женские училища, ставшие впоследствии женскими гимназиями. Успехи развития среднего образования формировали потребность в еще более высоком образовательном уровне женщин. «В гимназии давался только ключ к знанию, прививалось стремление расширять и дальше свой умственный кругозор. Все чаще и чаще раздавались и в печати, и в обществе громкие требования распространения

и на них благ научного образования» [4, с. 3], – такова была в то время оценка образовательных потребностей.

Еще в 1860 г. принципиальный сторонник женской эмансипации Михаил Илларионович Михайлов в своей сразу ставшей популярной статье «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» заявлял: «Всякое знание, признаваемое полезным для мужчины, должно быть признано полезным и для женщины <...> Высшее образование, как бы оно ни организовывалось, точно так же должно быть доступно женщине наравне с мужчиной» [13, с. 68]. Одновременно М.И. Михайлов утверждал: «Нет недостатка в ученых, философах и законодателях, которые как за прочную основу благоденствия общества ухватываются именно за неравенство прав и неравенство образования, когда дело идет о женщинах» [13, с. 11].

Среди ярых противников женского высшего образования можно назвать князя В.П. Мещерского. По этому поводу он саркастически вопрошал: «Мы будем давать России женщин ученых и женщин-деятелей, чтоб из них делать женщин без пола, без отечества, без отцов и матерей, без братьев и сестер, без мужей и детей? Спасибо же скажет Россия за таких женщин» [12, с. 20].

Своеобразной, потому и особо интересной для современных исследователей являлась позиция Михаила Никифоровича Каткова – публициста, издателя, редактора газеты «Московские ведомости», являвшейся многолетней выразительницей консервативных взглядов в российском обществе. Казалось бы, М.Н. Катков должен был стать последовательным противником развития женского образования. Однако он придерживался иных взглядов. Обращаясь к противникам женского высшего образования, он ставил вопросы: «Почему женскому образованию положен предел, который другая половина человеческого рода далеко оставляет за собою? Отчего мужчине открыто высшее образование, к которому приготавливают его с детских лет, а женщину обрекают довольствоваться низшей степенью умственного развития, образованием поверхностным, кое-каким? Почему женщина хорошо одаренная не должна восходить на те высоты науки, куда поднимают мужчину?» [8, с. 18].

Одновременно с этим М.Н. Катков высказывал крайне негативную оценку вызывающей демонстрации многими женщинами своего отрицания традиционных общественных устоев. Оно являлось проявлением того, что называли нигилизмом. Однако М.Н. Катков был убежден, что усилия нигилизма были направлены к систематическому развращению женщины с тем, чтобы превратить ее в «слепое орудие политической интриги». Он с возмущением подчеркивал, что в результате проповеди нигилизма стали появляться «стриженные уроды», порвавшие всякую связь с семьей и обществом и отказавшиеся от «всякой чистоплотности».

Таким образом, вопрос о допуске женщин к высшему образованию с самого начала встретил в российском обществе далеко не однозначное к себе отношение. «Мы видим борьбу двух сил, – говорил профессор Владимир Александрович Вагнер в своем докладе по случаю 25-летия Общества воспитательниц и учительниц, отмечавшемся в 1895 г., – с одной стороны, перед нами стремительное движение к свету и знанию незначительного числа молодых женщин, которое увлекает за собою все большее и большее количество новых последователей...; с другой стороны, мы видим упорное противодействие этому движению...» [2, с. 1].

Шагом, положившим начало практическим действиям по становлению высшего женского образования, стало внесение одной из активных деятельниц российского женского движения Евгенией Ивановной Конради открывшемся в декабре 1867 г. I съезду естествоиспытателей мотивированной записки о необходимости устройства женских курсов. В качестве главного на тот период аргумента в ней была выдвинута необходимость создания реальных возможностей для значительного повышения образовательного уровня женщин с тем, чтобы они могли в последующем обеспечивать необходимую познавательную воспитательную среду для своих детей. В записке констатировалось: «От той доли компетентности, которую она (женщина-мать. – А.П.) вносит в исполнение этой обязанности, в большинстве случаев зависит весь успех последующего образования; ...ее полужнание засоряет голову ребенка кучей неверных, сбивчивых понятий, от

которых впоследствии добросовестному учителю приходится очищать эту несчастную голову» [19, с. 17].

На заседании, где заслушивалась записка Е.И. Конради, было выражено сочувствие высказанным мыслям, однако заявлено, что съезд не имеет возможности обсуждать это дело ввиду отсутствия соответствующих полномочий.

Хотя съезд и отклонил направленное в его адрес обращение, мысль, «брошенная Конради», начала будоражить не только профессорское сообщество, но и разнеслось по всему С.-Петербургу и за его пределами. Было выдвинуто предложение более конкретно выразить непосредственно профессорам пожелания, высказанные ранее съезду. В мае 1868 г. за подписью 400 женщин прошение было подано ректору С.-Петербургского университета профессору Карлу Федоровичу Кесслеру. В нем уже прозвучали конкретные пожелания. «Просим гг. профессоров, – говорилось в нем, – ходатайствовать об открытии правильных курсов для женщин по предметам историко-филологических и естественных наук. Просим о разрешении этих лекций в стенах университета, в часы, свободные от занятий студентов... Цель наша – поднять уровень женского образования» [19, с. 21].

Вскоре был представлен ответ университетского совета, в котором выражалось «полное сочувствие стремлению организовать правильные курсы для женщин» [10, с. 4]. Одновременно с этим, совет университета отклонил просьбу предоставить для курсов университетские аудитории и вообще материальную часть организации лекций посчитал нужным «предоставить самим просительницам». На себя университет брал весьма значимую, но ограниченную задачу – «устройство учебной части».

В декабре 1868 г., последовал ответ министра народного просвещения графа Дмитрия Андреевича Толстого на прошение женских активисток об открытии в С.-Петербурге научных курсов для женщин. Суть ответа сводилась не к полному неприятию выдвигавшихся пожеланий, что для государственного деятеля в условиях значительного подъема женского движения было бы недопустимо, а к доведению уровня их реализации до минимального. В своем ответе министр фактически отталкивался от действовавшего Общего устава императорских

российских университетов. В нем говорилось, что «в студенты университета принимаются молодые люди, достигшие 17-ти-летнего возраста и притом окончившие с успехом полный гимназический курс, или удовлетворительно выдержавшие в одной из гимназий полное в этом курсе испытание и получившие в том установленный аттестат или свидетельство» [14, с. 21]. Исходя из этого, министру уместно был указать, что для университетских курсов, проводимых «научным образом», необходима «достаточная к тому подготовка». Единственным ручательством в этом мог служить установленный для поступления в университет экзамен. В силу того, что программы женских учебных заведений не соответствовали «сей цели», то и не могло быть и речи об устройстве для женщин университетских курсов. Решение проблемы Д.А. Толстой видел в следующем: «Сочувствуя стремлению женщин получить высшее образование, ...полагал бы в настоящее время наиболее удобным устроить для сего общие публичные лекции, т.-е. совокупно для мужчин и женщин, на основании существующих ныне о публичных лекциях постановлений» [19, с. 32]. Ключевыми в данном ответе являлись слова – «на основании существующих ныне о публичных лекциях постановлений». Это означало, что нет необходимости вводить что-то новое, можно просто что-то разрешить.

Ответ министра стал тяжелым ударом для ожидавших организации «правильных научных», но отнюдь не популярных лекций. В результате острых споров и дискуссий были решено все-таки воспользоваться хотя бы тем, что представлялось. Публичные курсы были открыты «при просвещенном содействии многих выдающихся профессоров» [4, с. 6]. Событие это состоялось в январе 1870 г.

Курсы не имели своего постоянного помещения. Самый длительный период – 2 года – они размещались в здании Владимирского уездного училища, получив закрепившееся за ними название Владимирских курсов.

Контингент слушателей был неоднородным. Без сомнения, ведущее место занимали женщины, решившие посвятить себя научной деятельности или пополнить определенные пробелы общего образования, были и «барыни»,

приезжавшие «ради моды или простого любопытства», были также девушки-подростки, «появлявшиеся в сопровождении маменек и гувернанток»; были слушательницы «вполне развитые», которые относились к лекциям «не только со знанием, но и критически», были и «полуобразованные девушки», с трудом улавливавшие смысл профессорских слов. Не менее пестрым на совместных публичных лекциях был и «мужской элемент»: «рядом с людьми, сочувствовавшими делу и искавшими на лекциях удовлетворения своим умственным запросам, являлись франты, высматривавшие «хорошеньких» и мечтавшие завести роман с «нигилисточкой» [19, с. 43].

Владимирские публичные курсы, хотя и имели немало серьезных недостатков, сыграли важную роль в становлении женского высшего образования. Постепенно откровенно негативные проявления, сопровождавшие деятельность курсов, сглаживались. Главное, что лекции читались серьезно, в результате чего люди, случайно оказавшиеся среди слушательниц, со временем отсеялись. Курсы «послужили к окончательному примирению правительства и общества с мыслью о высшем женском образовании... Эта первая попытка послужила зерном, из которого развилось все, что появилось затем в России по части высшего женского образования» [10, с. 7–8].

Одним из наиболее важных последствий Владимирских курсов стало появление схожих образовательных организаций в некоторых других университетских городах. Особую значимость имело открытие курсов в Москве. Дело в том, что московское общество, в отличие от петербургского, на первых порах не отличалось поддержкой высшего женского образования. Так, в 1861 г. совет Московского университета не дал положительного ответа на вопрос министерства народного просвещения: «Могут ли лица женского пола быть допускаемы к слушанию университетских лекций совместно со студентами?». Успешное функционирование Владимирских курсов стало важным стимулом для создания московских женских курсов.

Их учредителем выступил профессор Владимир Иванович Герье. Открытие курсов состоялось 1 ноября 1872 г. на Волхонке в здании Первой мужской

гимназии. Ректор Московского университета Сергей Михайлович Соловьев, выступая на открытии, подчеркивал, что «непременный и почетный член общества, мать и воспитательница граждан, женщина не должна быть глуха и нема в обществе, равнодушна и чужда относительно вопросов, его занимающих» [17, с. 10]. От нее, продолжал С.М. Соловьев, оказывавшей необходимое воздействие на молодое поколение, зависело, в нужном ли направлении будет развиваться общество.

Профессор В.И. Герье в своей речи на открытии курсов отмечал, что вопрос о женском образовании встал почти одновременно во всех «образованных странах». Однако складывались различные мнения относительно его предназначения. В основе этих взглядов, говорил В. И. Герье, лежали две «совершенно различные потребности и цели». С одной стороны, это чисто практическая потребность женщин расширить круг своей деятельности, получить доступ к таким должностям, которые им прежде были закрыты. С другой стороны – «давнишнее стремление» к расширению образования в женском обществе.

В Москве курсы пошли по второму пути, обеспечивая глубокий общеобразовательный характер содержания. Важным было то, они представляли собой «не ряд публичных лекций», на которые собиралась «случайная публика», а «нечто цельное, проникнутое одной мыслью и составленное по стройному плану» [17, с. 18].

Итак, первым большим результатом движения за право женщин на высшее образования стало открытие в университетских городах при содействии положительно настроенной профессуры курсов публичных лекций. Уровень оценки фактов их создания был различным. «Одни решались во что бы то ни стало сохранить с таким трудом созданные курсы, в надежде, что из этого ядра может впоследствии развиться что-либо более совершенное, другие боялись, как бы общественное мнение не успокоилось на этом самообмане и не перестало делать лучшего» [19, с. 50–51].

К этому времени стремление женщин к высшему образованию в буквальном смысле перешло границы российского государства. Не имея возможности получить высшее образование в России, женщины в массовом порядке стали

выезжать за границу. Власть волновал не только сам факт массового выезда женщин, но и, главным образом, сопровождавшие его «прискорбные явления».

О них, в частности, речь шла в опубликованном 21 мая 1873 г. в «Правительственном вестнике» официальном заявлении. В нем говорилось: «Одновременно с возрастанием числа русских студенток, коноводы эмиграции... обратили все усилия на привлечение в свои ряды учащейся молодежи. <...> Вовлеченные в политику девушки подпадают под влияние вожаков эмиграции и становятся... послушными орудиями. <...> Другие увлекаются коммунистическими теориями свободной любви и под покровом фиктивного брака доходят в забвении основных начал нравственности и женского целомудрия до крайних пределов» [19, с. 58–59].

В целях определения мер по «пресечению» выезда женщин за границу была создана особая комиссия. Она констатировала, что одной из главных причин отъезда являлся «вопрос о положении женского образования» в стране. Комиссия пришла к заключению что «чрезвычайно важно и существенно необходимо» учреждение высших женских учебных заведений «с строго определенным и законченным курсом».

Деятельность по выработке положения о новом типе высшего учебного заведения сконцентрировалась уже в другой, учрежденной в сентябре 1873 г. высочайшим повелением, комиссии. Члены комиссии представляли два разных, в определенной степени конкурировавших ведомства, занимавшихся вопросами женского образования, – Министерства народного просвещения и такого влиятельного благотворительного учреждения, как Ведомство учреждений императрицы Марии.

Комиссия проработала полтора года. В феврале 1875 г. ее доклад был представлен министру народного просвещения Д.А. Толстому. Затем проект поступил на рассмотрение к руководителю Ведомства учреждений императрицы Марии принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому. После внимательного изучения проекта он выдвинул ряд критических замечаний.

Во-первых, он выступил против того, чтобы цель высшего женского образования видеть исключительно в подготовке обучавшихся к педагогической деятельности.

Во-вторых, он отрицательно отнесся к позиции представителей Министерства народного просвещения, которые, ориентируясь на неоднозначный опыт гимназических программ, настаивали на включении в программы будущих высших учебных заведений обязательного изучения древних языков. П.Г. Ольденбургский высказался следующим образом: «Нельзя ожидать, что в возрасте учениц... (от 17–20 лет и старше), трехгодичные занятия латинским языком будут иметь вполне образовательное значение для их последующей педагогической деятельности» [19, с. 68].

П.Г. Ольденбургский выступил против ограничения открытия высших женских учебных заведений Петербургом и Москвой. Им аргументированно было показана желательность, чтобы такая возможность была предоставлена «не только столицам, но и губернским городам».

Министр народного просвещения Д.А. Толстой согласился с отзывом Ведомства учреждений императрицы Марии, о чем им было сообщено императору. 9 апреля 1876 г. доклад министра был высочайше утвержден и ему было предоставлено право открывать не публичные общеобразовательные, а высшие женские курсы в университетских городах «при содействии профессоров университета». Начался следующий этап становления и развития высшего женского образования в России.

Одним из наиболее ярких событий того времени стало качественное преобразование женских курсов в С.-Петербурге. Практически сразу после выхода высочайшего повеления от 9 апреля 1876 г. организаторами Владимирских курсов было подано в Министерство народного просвещения прошение об открытии высших курсов для женщин на новых началах, с полным планом преподавания, выработанным профессорами университета. Министр Д.А. Толстой сразу заявил, что выдать разрешение он сможет только в том случае, если в качестве их

учредителя выступит, как представитель университета, один из его профессоров. Им стал профессор Константин Николаевич Бестужеве-Рюмин.

В мае 1878 г. последовало разрешение на открытие курсов, и 20 сентября 1878 г. оно состоялось. По имени учредителя курсы получили название Бестужевские, а слушательниц в просторечии называли «бестужевками». Срок обучения на курсах первоначально был установлен продолжительностью 3 года, но уже с 1881 года он стал четырехлетним.

Как уже отмечалось, отношение к женщинам, стремившимся к получению высшего образования, являлось противоречивым. Одним из проявлений этого стал большой скандал в обществе, вызванный публикацией в 1878 г. профессором Петром Павловичем Цитовичем брошюры «Ответ на письма к ученым людям». В ней автор кроме «злых нападок» на литературу и журналистику, вылил «целые потоки грязи» на женщин, добивавшихся «света знания». Предлогом для этого послужила нарочитая демонстрация частью обучавшихся женщин вызывающего внешнего вида и поведения. П.П. Цитович опустил до того, что такого рода поведение он не только распространил на всех обучавшихся женщин, но и сделал вывод о его непосредственной связи с формировавшейся системой женского образования.

Инициаторов решения «женского вопроса» он обвинял в том, что они искалечили не только нравственный облик, но даже «наружный образ» русской женщины, «развратили ее ум и растлили ее сердце». «В этом уме была игривость, – из нее сделали блудливость; в этом сердце было увлечение, – его превратили в похоть. Она была способна на жертву, из нее сделали искательницу приключений...» [21, с. 27].

Грубые обвинения П.П. Цитовича вызвали крайне острое возмущение среди слушательниц женских курсов. Их бурная реакция вызвала серьезную и обоснованную тревогу у руководителей курсов. Они понимали, что подобного рода действия со стороны слушательниц вполне могут стать «опасным орудием» в руках противников высшего женского образования.

Объективную и справедливую позицию, что было исключительно важно в тот период, занял министр народного просвещения. В направленном в начале 1879 г. на высочайшее имя докладе Д.А. Толстой «счел своим долгом» заступиться за курсы. Кроме этого, им было внесено в Государственный совет представление о выделении курсам ежегодного денежного пособия. Это служило показателем того, что «высшее правительство смотрит на курсы без предубеждения». Само же появление данной публикации явилось показателем наличия влиятельных позиций у противников высшего женского образования.

Предвзятое отношение к слушательницам высших женских курсов постепенно заглашалось, но продолжало существовать длительное время. Своеобразной являлась оценка образа жизни курсисток, высказанная в 1901 г. в одной из газетных статей. «Тотчас же при своем возникновении в 60-тых годах, – заявлялось в ней, – наши женские курсы стали очагом всевозможных вредных брожений, вследствие чего их неоднократно приходилось закрывать. <> Правда, по внешности «курсистки» стали несколько иными, но любовь к труду и порядку, привязанность к семейной обстановке и боязнь улицы, свойственные истинно женской натуре, остались, к сожалению, им столь же чужды, как было в 60-х годах» [5, с. 294].

Интересен и другой пример. В 1909г. появилась необычная по своей форме публикация под заголовком «Письмо курсистки о Высших женских курсах». В ней отмечалось, что многие смотрят на курсисток, как на «отъявленный народ». «Люди, видящие в курсистках синоним всего грубого, неряшливого, грязного, некультурного, верно подметили факт и даже много фактов, но слишком поспешно обобщили их и скорому обобщению дали неверное толкование. <...> Не высшее образование делает... отрицательные типы, а то, что ему предшествовало – его отсутствие» [7, с. 12–13].

Параллельно, а правильнее было бы сказать взаимосвязанно со становлением высшего женского образования университетского профиля шел процесс складывания женского медицинского образования. Анна Николаевна Шабанова, выпускница первого потока женских врачебных курсов, а впоследствии первая в

России женщина – признанный авторитет в области детских болезней, связывала стремление русских женщин к изучению медицины в начале 1860-х гг. с изменением прежнего строя, призывавшем женщину «на арену труда». Одновременно с этим, писала А.Н. Шабанова, совершалось и «умственное возрождение» русского общества, поколебавшее «прежние устои» и открывавшее «широкие горизонты». «Но какие профессии были доступны в то время для женщин? Тяжелая, зависимая профессия гувернантки и узкая специальная профессия акушерки, – вот все, что предоставлялось для всякой женщины, принужденной искать самостоятельного заработка» [23, с. 289], – констатировала А.Н. Шабанова.

В таких условиях большинство «бежало» от положения гувернантки и «устремилось» на акушерские курсы. Они давали знания и обеспечивали самостоятельное существование.

До 1872 г. место женщин в медицинской сфере было ограничено работой акушерки, но потребность в систематическом образовании вызывало у них стремление к изучению медицины «в полном ее объеме». Однако путь к этому им был закрыт. Желавшие попробовать поступить в медицинский вуз получали разные по формулировке, но единообразные по своей сути ответы. Одни уверяли: «Никогда в академии не будет женского духа!», другие, ссылаясь на неблагоприятность момента, советовали подождать, третьи категорично заявляли: «Не теряйте времени, уезжайте учиться за границу!».

Счастливицы, имевшие соответствующее материальное обеспечение, отправлялись в заграничные университеты. Их число неуклонно росло, что и стало одним из важнейших факторов, приведших к существенному пересмотру положения дел. «Усиленная эмиграция женской молодежи за границу, – писала А.Н. Шабанова, – петиции женщин о допущении их в отечественные университеты, сочувствие профессоров университетов этой цели и другие причины обратили наконец внимание правительства и высшего медицинского мира» [23, с. 292].

Решение специально созданной в 1872 г. комиссии об учреждении высших женских учебных заведений как средства по «пресечению» отъезда женщин за границу, касалось и сферы медицинского образования. Иначе и быть не могло,

поскольку значительная часть выехавших за границу поступала именно на медицинские факультеты.

6 мая 1872 г. в соответствии с высочайшим повелением были основаны курсы ученых акушеров, которые позднее преобразовались в женские врачебные курсы. Создаваться они должны были при медико-хирургической академии, поскольку при Петербургском университете медицинский факультет отсутствовал. Эта инициатива принадлежала тогдашнему военному министру Д. А. Милютину, в ведении которого находилась академия. Яков Васильевич Абрамов – публицист, исследователь народной жизни, в своем опубликованном в 1886 г. очерке, посвященном созданию женских врачебных курсов, так формулировал этот процесс: «Медицинский совет прежде чем возбудить вопрос о курсах в законодательном порядке, обратился с запросами по этому поводу в медицинские факультеты наших университетов, и все... не только отнеслись сочувственно к проекту открытия курсов ученых акушеров, но даже считали полезным не останавливаться на полумере и дать женщинам возможность вполне законченного медицинского образования. В виду такой серьезной нравственной поддержки... военный министр ходатайствовал об открытии при медико-хирургической академии, в виде временной меры, курсов ученых акушеров» [1, с. 6].

В изданном в 1915 г. справочном издании, посвященном высшему женскому образованию, подчеркивалось: «России принадлежит честь открытия первых в Европе женских высших курсов для изучения медицины. Основанные в 1872 г. женские врачебные курсы были первыми по времени не только в России, но и во всем мире» [3, с. 10].

Формировавшаяся поддержка женского медицинского образования, как и высшего образования в целом, воспринималась в обществе, как и было ожидаемо, противоречиво. Одним из искренних сторонников этого нововведения был выдающийся русский хирург Николай Иванович Пирогов. Он был убежден, что привлечение женщин к организации и осуществлению медицинской деятельности значительно улучшало ее состояние. Он писал: «Настоящим образом значение женщин я постиг... во время крымской кампании. Там я мог ежедневно

убеждаться, присматриваясь к их обдуманному суждению и аккуратным действиям, что мы не умеем ни достойно ценить, ни разумно употреблять их природный такт и чувствительность» [16, стб. 718].

Не обошлось без попыток распространения откровенной клеветы на поведение женщин. Н.И. Пирогов рассказывал, что даже сам главнокомандующий армией князь А.С. Меншиков опасался, что «сестры послужат только для любовных интриг с военными. К счастью, за исключением одного... случая, не оказалось ни единого безнравственного поступка во все время их службы на театре войны» [16, стб. 717].

Без сомнения, опыт участия женщин в Крымской войне в значительной степени способствовал изменению общественного мнения относительно возможности их трудовой деятельности в медицинской сфере. Однако складывалось представление, что дальше работы фельдшера ее занятость продвигаться не могла.

Характерна, в связи с этим, оценка степени востребованности трудоустройства женщин в сфере медицины, которую давал Константин Константинович Толстой – врач и одновременно писатель-публицист. Наиболее подходящее место женщин в медицине он видел в их работе помощниками врачей. В связи с чем он писал: «В чем и правительство, и общество действительно очень нуждаются, так это в толковых, образованных и добросовестных помощниках врачей, которые заменили бы теперешних ленивых, весьма необразованных, недобросовестных и редко трезвых фельдшеров. Такие помощники нужны и в больницах, и в земстве, и в частной практике. и всюду, куда только достигает рука врача» [20, с. 6]».

Такого рода настроения относительно привлечения женщин в медицину были широко распространены в обществе. Это на своем опыте и опыте однокурсниц вынужденно признавала и А.Н. Шабанова. Она писала: «Не только в то время, когда женщины начинали учиться медицине, но даже когда вышли на практическое поприще врача, низший медицинский персонал (как мужского, так и женского пола) не выказывал им сочувствия, и всегда предпочитал мужчину-врача женщине» [23, с. 297].

Непосредственно связанными с такими настроениями являлась медлительность и непоследовательность в предпринимавшихся действиях по становления женского медицинского образования. «Не раз, – с сожалением говорила А.Н. Шабанова, – розовые надежды, поддерживавшие бодрое настроение первых студенток, сменялись мрачными предчувствиями» [23, с. 296].

Поначалу с открытием 6 мая 1872 г. женских медицинских курсов все шло хорошо. Особую радость доставило состоявшееся 4 марта 1876 г. высочайшее повеление, в соответствии с которым установленный ранее четырехлетний срок обучения был удлинен на 1 год, а сам курс ученых акушеров был переименован в женские врачебные курсы.

Наконец, наступил первый в России выпуск женщин-врачей. Однако полученные ими свидетельства, удостоверявшие завершение обучения на женских врачебных курсах, не указывали права и медицинскую степень выпускниц. В результате они вынуждены были работать без какого-либо официального документа, находясь в полной зависимости «от произвола или милости соответственного начальства». Некоторой полумерой стало дарование в 1880 г. императором Александром II нагрудного знака с буквами «Ж.В.» (женщина-врач). В условиях отсутствия какого-либо другого документа этот знак имел огромное значение.

Только в начале 1883 г. было принято решение о присвоении обучавшимся на женских врачебных курсах официального статуса, но не того, который предполагался программой обучения, а того, который они давно перешагнули – «ученой акушерки». Это было «громовым ударом», которым, как говорили, «убивалось и прошедшее, и настоящее, и будущее». Данное, явно несправедливое и не соответствовавшее реальному уровню образования обучавшихся решение вызвало бурную реакцию. После доведения до императора соответствующей петиции дело было пересмотрено. Последовало высочайшее повеление об официальном присвоении завершив обучение на женских врачебных курсах наименования «врач женщин и детей», а позже вернулось, но уже на уровне документально подтвержденного, звание «женщина-врач».

В начале 1880-х гг. на высшее женское медицинское образование обрушился еще один, еще более тяжелый удар. Новый военный министр П.С. Ванновский заявил об отказе базировать женские врачебные курсы в медико-хирургической академии под предлогом их несоответствия профилю ведомства. Предложения взять учреждение под свое покровительство, выдвинутые сначала Министерству внутренних дел, а затем Министерству народного просвещения, были ими отвергнуты. Не оправдались надежды и на помощь С.-Петербургской городской думы. Явно напрашивался вывод о негласной согласованности всех этих действий. Определенным подтверждением являлся «грустный эпилог»: 5 августа 1882 г. высочайшим повелением женские врачебные курсы были упразднены, правда с предоставлением права обучавшимся в соответствующие сроки завершить полное медицинское образование.

Активистки женского движения стремились всеми доступными средствами противостоять нападкам. Одним из таких средств стало обращение с письмом к И.С. Тургеневу, В своем ответе И.С. Тургенев заверил женщин, что русское общество «горячо и деятельно» отозвалось на «столь справедливые стремления».

Многолетняя борьба женщин за право на медицинское образование и врачебную деятельность завершилась знаменательной победой. В 1897 г. в С.-Петербурге был открыт женский медицинский институт. Он стал не только в России, но и в Европе первым учебным заведением такого рода. Открывшийся как частное учебное заведение, женский медицинский институт в 1904 г. перешел в ведение Министерства народного просвещения. Это значительно повысило его статус и уровень финансирования. В Положении об институте говорилось: «Институт, состоя под главным ведением министра народного просвещения, вверяется попечителю ...учебного округа на общих с университетами основаниях» [3, с. 119]. Это означало, что С.-Петербургский женский медицинский институт уравнивался в правах с императорскими университетами.

Предвзятое, а зачастую откровенно враждебное отношение к высшему женскому образованию и людям, стремившимся способствовать его формированию, конечно же касалось не только медицинской сферы. И в других областях

высшего женского образования на протяжении многих десятилетий, наряду с достижением важных положительных результатов, предпринимались различные меры, направленные на то, чтобы если не остановить поступательное развитие, то хотя бы замедлить. Это проявлялось, прежде всего, в деятельности С.-Петербургских высших женских курсов.

В 1886 г. под предлогом рассмотрения в созданной Министерством народного просвещения комиссии общего вопроса о женском образовании был прекращен прием на эти курсы новых слушательниц. Комиссия работала несколько лет, и все это время прием не осуществлялся. В 1889 г. должен был выпускаться последний курс, в связи с чем нависла реальная угроза полного закрытия Высших женских курсов. После настоятельных прошений, в том числе адресованных императору Александру III, прием слушательниц был разрешен, но уже на новых условиях. Главные из них состояли в следующем.

Во-первых, были внесены серьезные изменения в систему управления курсами. Оно было сосредоточено на директоре, в полномочия которого входил подбор преподавательских кадров. Вводились новые должности инспектрисы и ее помощниц. Они должны были руководить воспитательной работой. Все эти лица назначались Министерством народного просвещения.

Преподавание должно было осуществляться по учебным планам, установленным Министерством народного просвещения.

При курсах создавался попечительный совет, занимавшийся исключительно хозяйственными вопросами. Финансирование курсов осуществлялось за счет платы за обучение и пожертвований, при этом контроль за их расходованием возлагался на попечителя учебного округа.

Иногородние слушательницы должны были жить у близких родственников или в специально создаваемом общежитии. Проживание на частных квартирах не допускалось.

Выдвигавшиеся для организации курсов условия однозначно свидетельствовали о значительном ужесточении контроля за ними со стороны государственной власти.

Несмотря на продолжавшиеся усилия со стороны противников высшего женского образования, оно, хотя и с трудом, вызванным активным противодействием, успешно развивалось. Одним из показателей этого являлось открытие высших женских курсов не только в столице и других крупных культурных и образовательных центрах, но и в глубоко провинциальных университетских городах.

26 октября 1910 г. состоялось открытие высших женских курсов в Томске. Они были названы Сибирскими, потому что являлись единственными в Сибири. Николай Феофанович Кащенко, заведующий кафедрой, а в прошлом ректор Томского университета, в своем очерке, опубликованном в 1912 г., с сожалением характеризовал материальную базу курсов, называя ее «жалкой». В помещении, рассчитанном для жизни семьи с прислугой, непрерывно находилось около 80 слушательниц. Такие условия давали противникам высшего женского образования повод остро критиковать возможность успешного функционирования курсов. Сам Н.Ф. Кащенко, высоко оценивал атмосферу и характер взаимоотношений на курсах. Он отмечал: «Занятия велись не хуже, чем в любом высшем учебном заведении. Прилежание слушательниц не оставляло желать ничего лучшего. <...> Создалась особая атмосфера. Вступая на женские курсы, ... чувствуешь, что никаких посторонних задач здесь нет ни у преподавателей, ни у слушательниц. Есть только одна объединяющая тех и других забота: дать или получить знание» [9, с. 2].

В сентябре 1915 г. было возбуждено ходатайство перед министром народного просвещения П.Н. Игнатьевым о разрешении открыть высшие женские курсы в Саратове. 1 ноября 1915 г. курсы были открыты. «Благодаря тому, что преподавание... взяли на себя профессора и приват-доценты Императорского Николаевского (Саратовского. – А.П.) университета, – констатировалось в официальном отчете о работе курсов, – учебные занятия быстро наладились, вошли в нормальную колею...» [15, с. 3].

Высшее женское образование постепенно расширялось и углублялось, однако это не обеспечивало его уравнивания с мужским высшим образованием.

Действовавшим законодательством были установлены нормы, которые не предоставляли высшим женским курсам статус, позволявший проводить соответствующие экзаменационные испытания и выдавать выпускникам полноценные дипломы о высшем образовании.

Определенные изменения стали осуществляться в условиях революционного подъема начала XX в. В 1905 г. правительством было приняты временные правила для университетов, предоставлявшие им ограниченную автономию. Это способствовало тому, что советы учебных заведений стали допускать к обучению в качестве вольнослушательниц женщин. У тех появилась возможность, обратившись за допуском в испытательные комиссии, получать государственные дипломы.

Казалось, что наконец-то многолетняя борьба за высшее женское образование завершалась успехом. Однако практика показывала, что радоваться было рано, далеко не первый раз появлявшийся успех мог закончиться разочарованием. Неслучайно активная участница женского движения Мария Ивановна Покровская в 1906 г. предупреждала: «Женщинам не следует забывать... горький опыт прошлого. Очень может быть, что пройдет проявившееся теперь в России стремление пересоздать жизнь на более справедливых началах, и женщины снова окажутся вне университета. Женщинам не следует забывать, что пока они неравноправны, ...их положение везде является шатким» [18, с. 15].

Предупреждение М.И. Покровской, к сожалению, оказалось реально обоснованным. В 1908 г., когда революционные настроения пошли на спад, вновь назначенный министр народного просвещения А.Н. Шварц отменил право женщин на поступление в университеты. Однако остановить развивавшийся процесс борьбы за право женщин на высшее образование было уже невозможно.

Весьма интересна, в связи с этим, опубликованная в 1910 г., а затем изданная отдельной брошюрой статья приват-доцента Московского университета Александра Моисеевича Щербины. Он поставил перед собой задачу показать несостоятельность аргументации противников высшего женского образования.

Первый их аргумент состоял в утверждении, что совместные занятия обоих полов в университетах могут повести к распушенности нравов. А.М. Щербина же уверенно заявлял: «Можно решительно утверждать, что лица, вступающие в университет, по своему нравственному уровню стоят выше прочих общественных групп, что университет не порождает нравственной распушенности и не создает условий, содействующих ее развитию» [24, с. 11].

Вторая группа аргументов состояла в традиционной констатации того, что на женщине лежат сложные обязанности по отношению к семье, прежде всего, материнские обязанности, университет же отвлекает женщину от ее прямого назначения и тем самым подрывает семью. На этот счет у А.М. Щербины был ответ, что приведенная аргументация направляется не только против университетов, но и против специальных женских высших учебных заведений, «громадное культурное» значение которых «уже стоит вне сомнений».

Своеобразна третья группа аргументов, которые состояли в утверждении, что нельзя допустить женщин в университеты, так как последние и без того переполнены. А.М. Щербина был категоричен в своем утверждении, что в условиях, когда в университет допускались почти все мужчины, получившие гимназический аттестат, «иной малоспособный, интересующийся лишь получением диплома и небрежно относящийся к делу студент занимает место талантливой, беззаветно преданной научной работе слушательницы» [24, с. 13].

С успехом А.М. Щербиной были развеяны и другие аргументы противников допуска женщин в университеты.

Важнейшим для решения проблем высшего женского образования стал одобренный Государственным советом и Государственной думой и утвержденный 19 декабря 1911 г. императором Николаем II закон «Об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений». Хотя закон и не вводил совместное обучение мужчин и женщин, но создавал реальные условия для получения женщинами полноценного диплома о высшем образовании.

Законом были установлены правила, в соответствии с которыми «лица женского пола» могли пройти испытания «в знании курса высших учебных заведений». Пройти эти испытания можно было в комиссиях, образуемых «для производства испытаний лиц мужского пола» или в особых испытательных комиссиях.

Содержание испытаний было очень объемно. Экзаменующиеся должны были продемонстрировать знание всех предметов, которые входили в состав курса того учебного заведения, который был ими избран. Однако ожидавшийся результат стоил того. Закон устанавливал, что «успешно выдержавшие испытания... получают дипломы и звания, указанные в уставах подлежащих высших учебных заведений» [3, с. 21]. Наличие такого диплома позволяло его владельцу пользоваться «всеми правами и преимуществами», предоставляемыми дипломами соответственных мужских учебных заведений. Исключение составляли некоторые «права служебные и сословные», но по сравнению с тем, что получали выдержавшие испытания, это уже не было столь важным.

Таким был непростой путь становления в России высшего женского образования. Он сопровождался острой, временами непримиримой борьбой его сторонников и противников. Как, впрочем, и в европейских странах, где переход на совместное обучения мужчин и женщин в высших учебных заведениях завершился только во второй половине XX в. Несмотря на противодействие, создававшаяся при активном участии все более широких кругов российской общественности и возраставшего числа представителей власти система высшего женского образования крепла и развивалась.

Список литературы

1. Абрамов Я.В. Женские врачебные курсы / Я.В. Абрамов. – СПб., 1886. – 28 с.
2. Вагнер В.А. Страничка из истории высшего женского образования в России (памяти его первых деятелей): из журнала «Вестник воспитания» / В.А. Вагнер. – М., 1897. – 25 с.

3. Вадемекум по высшему женскому образованию: полн. сб. правил приема и прогр. всех высш. жен. общеобразоват., спец. и проф., правительств., обществ. и част. учеб. заведений в России / сост. Д. Марголин. – Киев, 1915. – 304 с.
4. Высшие женские курсы в С.-Петербурге: крат. ист. записка, 1878–1908 гг. – 4-е доп. изд. – СПб., 1908. – 75 с.
5. Грингмут В.А. Собрание статей / В.А. Грингмут. – Вып. 1. – М., 1908. – 322 с.
6. Гришак С.Н. Общественно-педагогические взгляды на проблему высшего женского образования в России XIX века / С.Н. Гришак // Никольские чтения: традиции и инновации в образовании. – Тверь, 2023. – С. 66–75. EDN MOKLJF
7. Ифаресова М. Письмо курсистки о Высших женских курсах / М. Ифаресова. – Варшава, 1909. – 23 с.
8. Катков М.Н. О женском образовании: статьи, связанные с возникновением и постепенным ростом женской классической гимназии / М.Н. Катков. – М., 1897. – 70 с.
9. Кащенко Н.Ф. Сибирские высшие женские курсы: их положение, нужды и надежды / Н.Ф. Кащенко. – Томск, 1912. – 12 с.
10. Краткая историческая записка о Высших женских курсах в С.-Петербурге. – СПб., 1896. – 37 с.
11. Малышева О.Г. «Стриженные студентки»: проблема высшего женского образования на страницах газеты «Московские ведомости» / О.Г. Малышева, Е.А. Безина // Вестник МПГУ. Серия: Исторические науки. – 2022. – №1 (45). – С. 49–58. DOI 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.04. EDN ICMVDB
12. Мещерский В.П. Речи консерватора / В.П. Мещерский. – Вып. 2. – СПб., 1876. – 514 с.
13. Михайлов М.Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе; Женщины в университете; Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин; Уважение к женщинам / М.Л. Михайлов. – СПб., 1903. – 245 с.
14. Общие уставы императорских российских университетов 1863 и 1884 гг. – Одесса, 1901. – 83 с.

15. Отчет о состоянии Саратовских высших женских курсов санитарного общества (от 25 октября 1915 г. по 1 января 1917 г.). – Саратов, 1917. – 14 с.

16. Пирогов Н.И. Сочинения: изд. в память столетия со дня рождения Николая Ивановича Пирогова 1810 – 13 ноября – 1910 / Н.И. Пирогов. – Т. 1. Педагогические и публицистические статьи. – Киев, 1910. – 962 стб.

17. Положение о Высших женских курсах в Москве и речи, произнесенные при открытии курсов 1 ноября 1872 года профессорами Московского университета св. А.М. Иванцовым-Платоновым, С.М. Соловьевым и В.И. Герье. – М., 1872. – 32 с.

18. Покровская М.И. О высшем женском образовании в России / М.И. Покровская. – СПб., 1906. – 16 с.

19. С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет: 1878–1903: очерки и материалы. – СПб., 1903. – 182 с.

20. Толстой К.К. О женщинах-врачах и о женских медицинских курсах / К.К. Толстой. – СПб., 1889. – 15 с.

21. Цитович П.П. Ответ на письма к ученым людям / П.П. Цитович. – 3-е испр. изд. – Одесса, 1878. – 37 с.

22. Чуракова О.В. Высшее женское образование в России в конце XIX – начале XX века: выбор приоритетов (по материалам первого всероссийского съезда по женскому образованию) / О.В. Чуракова // Непрерывное образование: проблемы, перспективы, инновации. – Архангельск, 2022. – С. 133–138. EDN MZFZBY

23. Шабанова А.Н. Из первых лет женского медицинского образования в России. (Из воспоминаний женщины-врача I-го выпуска) / А.Н. Шабанова // К свету: научно-литературный сборник / под ред. Е.П. Летковой, Ф.Д. Батюшкова. – СПб., 1904. – С. 289–310.

24. Щербина А.М. О допущении женщин в университет / А.М. Щербина. – М., 1910. – 16 с.

Поздняков Александр Николаевич – д-р ист. наук, доцент ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», Орехово-Зуево, Россия.
